состояние духа, думала о празднике, обо всем отрывочно и туманно, но часть упряжи возвращалась к синему клубочку оберточной бумаги спрятанному на груди, к Григорию и к той, счастливой, которая над ней теперь снисходительно смеется и болтает — может даже шалит...

Она вышла в ограду. На ей загородили дорогу парни. Обходя их Наталья услышала:

— Ишь это кто угадал?

— Да это Натешка Коршунова.

— У нее, чутарнуть, кила. От этова ее и мужи бросил.

— Врешешь. Она с чистым свечом спуталась.

— Вон что-о-о. Стал-быть Гришка-турок через это и убег из дому?

— А то через что-ж. Она и зараз...

Наталья спотыкаясь о неровную стежку камней дошла до потерти. Вслед ей вонзились отчетливо грязное позорное слово. Наталья, под хихиканья столпившихся на перти девок прошла в другую калитку и вдруг раскачиваясь побежала домой.

Перевела дух у калитки ворот своего двора, вошла путаясь ногами в подоле, кусая распухшие исцарапанные губы. В сиреневой темноте вечера приоткрытая дверь сарая. Наталья в одном усилии собрала оставшийся клочок сил, добежала до дверей и торопясь шагнула через порог. Сухая прохлада. Запах ременной упряжи и слежалой соломы. Наталья ощупью добралась до угла; без мысли, без чувства, в черном хаосе заполнившем душу и мозг, взяла в руки дерюгу косы, сняла косу и запрокинув голову с силой резнула острием по горлу. Упала, как от удара и чувствуя, смутно понимая, что не доделала начатое — встала на четвереньки, потом на колени: торопясь, путаясь, ее пальцами кнопки, расстегнула кофточку. Одной рукой отвела комкою ткани подвижную грудь, другой направила острие косы. На коленях доползла до стены, упрела в нее тупой конец, тот, которой надевается на дерюгу и заломив над запрокинутой головой руки грудью твердо подалась вперед, вперед... Ясно слышала хруст разрезаемого тела, внезапной порой острой боли прошел от груди до горла и вонзился иглами звенящими в уши.

Абз. В дом курена скрипнула дверь. Лукинишна шлепая ногой поросенок сходила в кормушку. Размеренно расстались удары. На дому с скрежетом ходили на дубах сахетные крыши.

20.

Степан подошел к Григорию и цепляясь за стремя, прижался боком к потному боку теребня.

— Ну, здорово, Григорий.